

## ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ АШТСКИХ ТАДЖИКОВ

Этническая история населения Северо-Западной Ферганы до сих пор остается малоизученной. Аштский район, о котором пойдет речь ниже, расположен на западе Ферганской долины и представляет собой лишь небольшую часть целой цепочки крупных старинных кишлаков, раскинувшихся у южных склонов Кураминского хребта (Чодак, Пап, Чуст, Касансай). Основное население этих кишлаков — таджики и различные группы узбеков, причем удельный вес первых в кишлаках в направлении с запада на северо-восток уменьшается. Однако независимо от численности и в Аште, и в Чодаке, и в Чусте таджики среди местного населения считаются самыми древними насельниками этих мест. Таджики Северо-Западной Ферганы являются частью самого северного массива современного ираноязычного населения Средней Азии, но до сих пор их происхождение, этапы этнической истории, разновидностей культурных и этнических взаимосвязей с соседними узбеками остаются невыясненными.

Аштский район в системе Таджикистана занимает особое место и совершенно справедливо выделяется как своеобразный, «исторически сложившийся район Северного Таджикистана» [63]. Статистические и экономико-этнографические данные о его населении недавно опубликованы [63], поэтому, чтобы избежать ненужных повторов, кратко приведем лишь основные данные.

Население района в начале века составляло примерно 24,5 тыс. человек, включая оседлых таджиков, кочевых и полукочевых узбеков, кочевых киргизов. Более половины этого населения было сконцентрировано в трех крупнейших селениях района и их округе — кишлаках Ашт<sup>1</sup>, Пангаз и Камыш-Курган.

<sup>1</sup> Здесь и далее под названием «Ашт» подразумевается весь современный Аштский район (если специально не указано, что речь идет о кишлаке того же названия).

В этническом отношении таджики абсолютно преобладали, особенно в районе Пангаза, Бободархона, Шайдана [63, с. 46]. Узбеки редко жили вместе с таджиками (к. Камыш-Курган), чаще они заселяли отдельные кишлаки (Ашоба<sup>2</sup>, Акджар и др.). Основная масса тюркоязычного населения Ашта в конце XIX в. обитала на северо-восточной окраине района [63, с. 220].

Исторических сведений об этом крае сравнительно мало; еще не сказали своего окончательного слова археологи, хотя данные, относящиеся к периоду древности и раннего средневековья, довольно обильны; еще не введены в научный оборот многие письменные памятники, связанные с историей Ферганы; фактически неизвестны этнокультурные процессы, протекавшие в этой части Средней Азии во II тысячелетии н. э.; наконец, этнографическое изучение Ашта только начинается. Поэтому цель настоящей заметки отнюдь не в составлении более или менее полной схемы этнической истории аштцев, а скорее попытка выделения некоторых моментов этнической истории аштцев, безусловно требующих дальнейшего обсуждения и более тщательного исследования разнообразными средствами. В качестве основного источника нами взяты устные предания о происхождении аштских таджиков.

Важность устных исторических преданий для разрешения этногенетических вопросов об-

<sup>2</sup> Среди таджиков Ашта бытует представление, что узбеки Ашобы и Камыш-Кургана — давние насельники этих мест, подобно местным таджикам; остальные группы узбеков и киргизов — сравнительно недавние пришельцы. Обстоятельное изучение тюркоязычного населения Ашта еще не проводилось, однако, если основываться на местных исторических преданиях, киргизы появились здесь (к. Кирккудук) «всего лишь» 150—200 лет назад. Это представление вполне согласуется с общими историческими сведениями [23, с. 180; 41, с. 61]. В целом вопрос о составе и происхождении тюркоязычного населения Ашта пока остается открытым.

щепризнана. По мнению фольклористов, основная функция этого вида устной народной несказочной прозы — познавательная, информационная [1, с. 6—7, 11—12]; своеобразие его проявляется как раз «в общей установке на достоверность приведенного рассказа» [68; 2]. При таком единодушии в общей характеристике источника принципиальная возможность извлечения реальных исторических свидетельств из преданий не является дискуссионной, однако явное расхождение в оценках исторических преданий по-прежнему оставляет открытым вопрос, каким путем может быть извлечена конкретная историческая информация. Обычно разногласия начинаются при оценке степени достоверности того или иного конкретного рассказа: сразу ставятся под сомнение даты (если они есть), пространственно-географические определения, упоминания известных исторических личностей в качестве персонажей местных преданий обычно выглядят малоубедительными. И тем не менее в истории русской этнографии известны примеры использования отдельных ярких, острохарактерных, часто даже несообразных или чисто фантастических деталей легенд и преданий как раз для доказательства реальной основы рассказа в целом или его отдельных частей (таковы, например, блестящие работы в этом направлении Д. Н. Анучина [3а]). Но этот путь не всегда возможен и надежен, а массовый и разнохарактерный материал преданий часто требует совсем иных способов обработки.

За последнее десятилетие в изучении исторических преданий наметились явные сдвиги. Уже не просто предположительными, но достоверно установленными являются наиболее характерные закономерности искажения реальной исторической информации в преданиях, принципы специфического анализа такого рода материалов, довольно большая временная глубина экскурсов и т. п. [69, с. 3—6; 76; 74; 71; 62; 52]. Существуют оригинальные примеры использования исторического фольклора для реконструкции этнической истории народов [29; 62; 47; 75; 70], причем на материале не только собственно устных преданий, но и на семантически значительно более сложных данных мифов [24; 57; 73 и др.]. Однако обе стороны проблемы — и ее теоретическая разработка, и принципы использования устных преданий в сфере изучения этногенеза конкретных народов — требуют и новых материалов, и новых усилий для разрешения. Именно в этом направлении и рассматриваются ниже устные предания аштских таджиков.

Анализ каждого отдельного рассказа о происхождении аштских таджиков, на наш

взгляд, реально может привести только к одному: большему или меньшему сомнению относительно правдоподобия отдельных его мотивов и утверждений. Иначе обстоит дело при сравнительном анализе нескольких преданий из одного района, связанных общей темой происхождения местного населения. В этом случае неоднократное повторение в преданиях (даже при общей разности их сюжетов) отдельных элементов: мотивов, деталей, имен — уже нельзя счесть простой случайностью, не требующей соответствующего объяснения и анализа. Но даже и многократно повторенные факты, идеи и мотивы все же могут выглядеть малоубедительными: известно, каким метаморфозам подвержены события реальной истории в фольклорных произведениях (хронологические и географические смещения, частичные замены деталей, персонификации конкретных процессов и фактов и т. п.). Стремление получить новую информацию, заключенную в этом источнике, заставляет нас на первом этапе работы вычленивать эти особо значимые (с точки зрения местного населения) и поэтому неоднократно повторенные в разных ракурсах мотивы преданий, а на втором этапе — сопоставить выделенные из преданий тезисы как с общеисторическим фоном, так и с отдельными, конкретными археологическими и письменно засвидетельствованными фактами.

\* \* \*

Все старинные таджикские кишлаки Ашта (за исключением Камыш-Кургана) расположены в ущельях и лощинах южных склонов Кураминского хребта. Пангаз, Бободархон, Шайдан, Гудас, Ашт, Пунук — довольно крупные предгорные селения, раскинувшиеся по обоим берегам обтекающих с гор небольших рек. Каждый кишлак состоит из нескольких кварталов (махалля), и до сего дня являющихся основной территориальной единицей внутри селения. Дошедшие до нас предания в одних случаях повествуют о происхождении населения и основании всего кишлака, в других — касаются отдельных махалля. Характерно, что представления об общем или единовременном заселении Аштского района нет. В каждом кишлаке — «свои» предания, они немногочисленны и разрозненны. Рассмотрим их последовательно<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Излагаемые предания собраны автором в полевые сезоны 1968, 1973, 1974 гг. Все они бытуют устно, устойчивого текста не имеют, поэтому возможно простое изложение предания, максимально близкое тексту рассказчиков. В кавычках приводятся выражения информаторов.

Давным-давно, еще «до прихода Мухаммеда», Пискоккат, небольшой кишлак, расположенный в верховьях р. Аштсай, основали люди, пришедшие сюда из Балха. Сейчас место, где некогда обосновались эти пришельцы, называется махалля «кальа» («крепость»), а старое название этого поселения неизвестно. Рассказывают, что пришедшие сюда позже арабы-завоеватели, видимо отдавая должное мужеству защитников, назвали кишлак Вофокат, что значит «твердо стоявшие», и лишь позднее он стал Пискоккатом.

Собственно к. Ашт, расположенный ниже по течению той же горной речки, также старинное, но уже большое поселение. Легенды и предания, связанные с его основанием, разнообразны и нередко противоречат одно другому, однако все они выясняют этимологию названия Ашт.

Самое «раннее» предание связывает начало к. Ашт со временем, когда на месте нынешнего селения «были только горы, вода и деревья». Однажды в это благодатное место попал заблудивший в горах человек. Ущелье ему понравилось: холодная и чистая вода, красивая местность, много урюковых и ореховых деревьев. Он решил здесь остаться — собрал вокруг людей, начал разводить сады, и зажили они «честно, спокойно и праведно». От этого местность стала еще краше, за что и была названа Аштом, что якобы означает «благоустроенное место».

Кроме необычайной живописности, которой к. Ашт славится и поныне, есть в нем и еще одна достопримечательность — старинный мазар «Хашт сахоба» («Восемь могил»). Один из рассказов связывает возникновение кишлака с образованием мазара, якобы представляющего собой могилы первых благочестивых жителей этого селения. По другой версии, Ашт — это искаженное слово «хашт» («восемь»), т. е. отправным пунктом является все тот же мазар, но, по этой версии, события связаны уже с периодом арабского завоевания. Когда Кутайба со своим войском будто бы дошел до ущелья Ашт-сая, он остановился в местечке Аложин (= ад — аджанг — «конец войне») <sup>4</sup>, где война с арабами якобы и закончилась. Войска вскоре ушли, остались лишь восемь мусульманских проповедников. Прожив в Аште много лет, они здесь же и были похоронены, а позднее на этом месте возник мазар.

Еще одна легенда связывает происхождение к. Ашт с деятельностью известных персонажей иранского эпоса. «Много тысяч лет назад» местность (где позднее возник кишлак)

находилась под властью сначала Афрасиаба, затем Сиявуша, Кей-Хосрова и, наконец, Рустама. Последний привел сюда своих воинов («хотя в те времена здесь уже жили предки современных таджиков») и назвал это место Ашт, что значит «хорошее обозрение, хорошая видимость с высокого места для караула». Интересно, что один из современных кварталов к. Ашт называется Кальаи Афросиаб («крепость Афрасиаба») [63, с. 218] и этот квартал считается самым древним в кишлаке.

Существуют и другие версии: к. Ашт — название какого-то города или селения, откуда пришли сюда таджики (но его местонахождение неизвестно), логичнее же всего последнее объяснение: «Ашт» означает «ералаш», «смесь», поскольку кишлак заселяли выходцы из разных мест. Последнее подтверждается и сведениями о небольших группах людей, соседей или родственников, якобы в давние времена переселившихся сюда из Ирана, Афганистана, частично и сравнительно недавно — из соседнего Кашгара.

Какие предварительные выводы можно сделать из приведенных выше рассказов? Все предания из к. Ашт и его окрестностей условно делятся на две группы. Один рассказ твердо указывает на время, когда на территории современного кишлака Ашт и в его окрестностях никто не жил, и повествует об одном человеке, основавшем кишлак. Остальные рассказы рисуют ситуацию, когда в к. Ашт уже было какое-то оселое население, и чаще связаны с историей заселения отдельных кварталов. Действующие лица этих преданий разнообразны — это и мифологический Рустам со своим воинством, и историческое лицо — Кутайба с восемью неизвестными проповедниками ислама, и простые смертные из Афганистана или Кашгара. Характерно, что, с точки зрения современных аштцев, все эти события, во-первых, действительно происходили, во-вторых, происходили чрезвычайно давно (точное время, естественно, неизвестно, но довольно часты указания — «до прихода Мухаммеда», «до арабов», «во время войны с арабами» и т. п.), тогда же в основном и сформировалось население, потомками которого и считают себя современные таджики из к. Ашт и его окрестностей.

Гудас. Рассказывают, что в к. Гудас первые люди пришли, когда кишлаки Ашт, Пискоккат, Пангаз, Ашоба уже существовали. Случилось так, что в к. Хуллос <sup>5</sup> где-то на

<sup>4</sup> На юге Таджикистана, в Дарвазе, есть горная местность, расположенная вдоль течения р. Хуляс, притока Сурхоба, действительно называвшаяся Хуляс [30, с. 201—203; 45, с. 31, 39, 53, 55—58; 4, с. 433, 435, 438, и др.]. Сейчас это название отсутствует [59; 60].

<sup>4</sup> Народная этимология.

юге, в горах, жившие там ходжи, ишаны и простой народ, факиро<sup>6</sup>, постоянно ссорились. Бухарский эмир долго разбирался в их ссоре, а затем повелел им просто расселиться. Так, факиро Хуллоса стали предками современных гудасцев. Сразу по прибытии в Ашт эти люди заняли безлюдную в то время предгорную долину по Гудас-саю, но сначала они жили не на месте современного кишлака, а ниже по течению речки, основав сразу три крепости — «калъя куйна», «калъя» и «калъяча». Позднее, переселившись на нынешнее место кишлака, они сохранили ту же структуру поселения (три квартала, соответственно называющиеся Боло, Миёна и Поён). Цельность структуры современного кишлака Гудас является косвенным доказательством одного момента приведенного предания, а именно: вероятность заселения Гудаса выходцами из какого-то одного места.

Пангаз. Пангаз — второй, очень крупный старинный кишлак Аштского района. Судя по рассказам, он был основан во времена, когда соседние кишлаки (Ашоба, Гудас, Шайдан) еще не существовали. При всем своем многообразии рассказы о происхождении Пангаза создают довольно цельную картину.

По одной версии, при основании кишлака имела место ситуация, сходная с аштской: несколько охотников («брич муллои нанай»?)<sup>7</sup> во время своих странствий взобрались на самую высокую гору — Бобосетан. Оттуда, обозрев окрестности, они увидели красивое ущелье вдоль по саю с зарослями тутовника и урюка. Этот пейзаж произвел на них такое сильное впечатление, что они решили остаться здесь навсегда. Жизнь их была прекрасна: «пшеницу им заменял урюк, а вместо риса был тутовник».

<sup>6</sup> Косвенно предположение о том, что родина современных гудасцев Ашта — дарвазская местность Хуляс, подтверждают два факта. Во-первых, то, что одной из самых типичных черт общественного быта горных таджиков Каратегина и Дарваза являлось четкое словесное деление, прежде всего, на две части: местную верхушку («эшони», «махзумо», «сайиди» и др.), с одной стороны, и низшее, податное сословие («фукаро») — с другой, и внутри кишлаков представители этих двух групп населения селились в разных кварталах [59, с. 35, 70, 107 и др.]. Во-вторых, существуют сведения о выселении небольших групп таджиков из Каратегина и Дарваза в Фергану — в район Андижана [59, с. 52], в окрестности Чуста [32, с. 11, 12, 16], в Сох и Исфару [27], причем в последнем случае выяснено, что переселение произошло в XVIII — начале XIX в. [27, с. 113]. Пожалуй, есть все основания предположительно поставить в этот ряд фактов и описываемое событие — основание к. Гудас.

<sup>7</sup> Брич-мулла и Нанай — два крупных известных таджикских кишлака Ташкентской области, в долине р. Чирчик. В их преданиях также смутно упоминается генетическая связь с ферганскими таджиками [33, с. 4].

Эта идиллическая картина сменяется другим рассказом с типичной для среднеазиатских преданий заставкой: «Когда сюда пришел Искандар Зулкарнайн...» Однако о деятельности великого полководца в Пангазе традиция умалчивает. Лишь одно обстоятельство запечатлелось в народной памяти — в войске Александра были персы, «фарсы», «хорасанцы», они-то здесь якобы и осели, сначала в небольшой крепости, а затем расселились шире, обзавелись семьями. Современные таджики из кварталов Пшьта и Сарой считаются чуть ли не их прямыми потомками.

«Примерно тысячу лет назад» сюда, в ущелье Пангаз-сая, пришли люди из Дарваза («Калаю-Хумба») и поселились на территории двух больших современных кварталов — Шахак и Бурак<sup>8</sup>. Время образования махалля Суджа неясно («но этот квартал не считается древним, старым»), зато в предании точно указано место прежнего обитания предков жителей этого квартала — кишлак Суджак в долине р. Чирчик. Уже после образования квартала Суджа в Пангазе осела группа таджиков из-под Самарканда и Дагбита (махалля Устоён), а из Ура-Тюбе переселились «ученые мужи» (махалля Муллоён). Население этих кварталов считается сравнительно поздними пришельцами в Пангаз, хотя и это событие произошло «довольно давно» (неуверенно называется дата — «500—600 лет назад»).

Соседний с Пангазом кишлак Бободархон, по преданиям, был некогда частью Пангаза. Назван он по имени человека, якобы приведшего в эти места своих людей, — Бобо Дархона. Пос. Шайдан также основали пангазцы, к которым несколько позднее присоединились люди из к. Шавгаз (из Курамы) и из Чуста [63, с. 226—227]. Интересно, что и в Бободархоне, и в Шайдане, и в самом Пангазе самым старым махалля жители считают Калъя, где якобы обосновались первые пришедшие сюда люди, их предки.

Различие преданий о кишлаке Пангаз аналогично уже разобранным версиям аштских рассказов. Одно предание связывает появление жителей Пангаза с охотниками, пришедшими откуда-то с гор на пустое, безлюдное место и основавшими здесь кишлак. Остальные повествования — о заселении отдельных кварталов. Наряду с упоминанием Александра Македонского (превратившегося на Востоке, как известно, и в фольклорного, и в коранического, и в мифологического персонажа) сообщаются и более конкретные сведения о пе-

<sup>8</sup> По легендарным данным, собранным Н. Турсуновым, это событие произошло во времена Тимура [63, с. 222].

релениях небольших групп родственников и земляков из самых разных мест (но чаще — с юга) во главе с предводителями, имена которых нередко сохранены в названиях кварталов — Ходжибек, Бобо Дархон, Пур-Юрак (Бурак) и др. При этом во всех преданиях, кроме первого, повторяются два мотива: 1) к моменту прихода в Пангаз предков населения того или иного квартала сам кишлак уже существовал и здесь жили люди; 2) новые пришельцы были людьми иранской крови, точнее, «настоящими таджиками», и они пришли из разных мест, но преимущественно с юга — из горного Таджикистана, Афганистана, Ирана и т. п. Об этнической принадлежности аборигенов обычно умалчивается либо указывается, что они были «предки таджиков».

В связи с этим нужно отметить еще один факт. В Аштском районе обильно разбросаны в незаселенных предгорьях и ущельях небольшие наземные каменные постройки, так называемые курумы и муг-хона; местное население считает их домами народа муггов, который жил здесь в древности. Считается, что мугги были люди дикие, но не злобные и очень трудолюбивые. При этом постоянно подчеркивается отличие предков таджиков (оседлого протаджикского населения) от муггов, якобы занимавшихся преимущественно охотой. Последнее обстоятельство будто бы и погубило муггов: вследствие разрастания оседлого населения охотничьих угодий в округе стало не хватать, и мугги постепенно, видимо, вымерли с голоду. Этим современные народные рассказы о муггах исчерпываются; в них ни на какие родственные связи с муггами не указывается (как, впрочем, не подчеркивается и столкновение с ними)<sup>9</sup>.

Как и в аштских преданиях, все изложенные события в окрестностях Пангаза относятся к древности, но ни с каким известным историческим фактом бесспорно не связываются. Среди преданий можно также выделить две группы: в одном предании рассказывается о каких-то охотниках, основавших кишлак на пустом месте, остальные же связаны с историей заселения отдельных кварталов Пангаза. Основным мотивом всех этих преданий, как и преданий жителей к. Ашт, является идея о том, что, сформировавшись в «те времена», «давно», население Пангаза без значительных изменений дожило здесь до наших дней. Показательно отсутствие каких-либо упоминаний об арабском завоевании.

И, наконец, последний из обследованных

крупных кишлаков района — Камыш-Курган, населенный и таджиками и узбеками. Все информаторы настойчиво подчеркивали существенные отличия таджиков из соседних кишлаков Пангаза, Шайдана, Бободархона от таджиков Камыш-Кургана — по обычаям, представлениям, языку и главным образом по самосознанию. Географически Камыш-Курган также стоит несколько особняком: кишлак расположен на равнине, в 10—12 км от гор, на подземных ключах Пангаз-сая и сравнительно недалеко от Сырдарьи (5—7 км).

Сами камыш-курганские таджики считают, что люди жили издавна на месте современного кишлака (или в его ближайших окрестностях, так как в тридцатых годах нашего столетия весь кишлак переселился на километр-полтора в сторону от старого места, что происходило и ранее неоднократно). «Три тысячи лет назад» (?) Александр Македонский якобы основал здесь город Чок-Испахон<sup>10</sup>, и большая территория (включавшая и весь современный Аштский район) была под его началом. Но по неизвестным причинам город погиб, и достоверно неизвестно, кто же в нем жил. Долгое время поселение было заброшено, но «700 лет назад» (?) сюда вновь пришли люди и основали новый город — Ахсыхон (в честь хана Ходжи Сар-Ахсы, могила которого была здесь же). Этот город также через некоторое время исчез, но часть его населения все же здесь осталась и дожила до времени сравнительно недавнего, когда на это поселение пришла третья волна насельников — таджики из Курама-Овлука [63, с. 230—231] и узбеки племени «кара-алпак» (каракалпак?) (что произошло «лет 250—300 назад»).

Представление о трех исторических периодах заселения Камыш-Кургана среди местных таджиков распространено довольно широко, но никаких более подробных сведений пока собрать не удалось. В отличие от рассказов о предгорных кишлаках Ашта в Камыш-Кургане речь постоянно идет не просто о поселении, но о городах. Кроме того, хотя местное таджикское население и считается здесь довольно древним, но перерыв культурной традиции (в связи с запустением древнего города) вполне возможен. Наконец, здесь, как и в Пангазе, находящемся по соседству, в предании упоминается Александр Македонский, якобы основавший само поселение, арабское же завоевание, напротив, не упомянуто.

Предварительно подытоживая сведения, почерпнутые из исторических преданий ашт-

<sup>9</sup> Аналогичные легенды, касающиеся муггов, собрал в пятидесятых годах В. А. Литвинский [35].

<sup>10</sup> По сведениям Н. Турсунова, город назывался Чокистон [63, с. 230].

ских таджиков, можно говорить о нескольких более или менее четких указаниях историко-этнокультурного плана.

1. Судя по преданиям, население района (речь идет только об оседлых жителях) формировалось постепенно. В разное время, по-видимому, небольшими группами сюда приходили люди из разных мест, преимущественно с юга (но отнюдь не только из горного Таджикистана).

2. Самыми старыми считаются кишлаки Ашт с Пискокотом, Пангаз с Бободархоном и Камыш-Курган, являющиеся как бы небольшими центрами, видимо развивавшимися довольно обособленно. Например, в связи с Аштом нередко упоминания арабского завоевания, с Пангазом и Камыш-Курганом — Александра Македонского; в то же время в преданиях постоянно подчеркивается своеобразие и обособленность Камыш-Кургана.

3. Все происходившие, по преданиям, завоевания и переселения были очень давно, так что основная масса аштских таджиков справедливо считает себя аборигенами этих мест. Проблема появления узбеков, тюркоязычного населения, пока остается открытой, но при любом ее решении общая картина этнического развития таджиков Ашта изменится, видимо, минимально, поскольку узбеков в Аште сравнительно немного и живут они по преимуществу отдельно.

4. Менее ясны хронология и этапы заселения Ашта. Не вполне выяснена и этническая принадлежность древнейших обитателей этой территории. Однако современные таджики Ашта считают себя их прямыми потомками, различая при этом две группы древнего населения: «наши предки, которые жили здесь всегда» и «настоящие таджики», пришедшие позже, но также очень давно. Подробнее на двух группах преданий мы остановимся ниже.

\* \* \*

Все рассмотренные предания повествуют о людях, далекими потомками которых считают себя современные аштцы, и воссоздают, правда весьма схематично, общий процесс формирования населения старинных кишлаков района, протекавший тысячу — полторы тысячи лет назад. Все эти события объединяет одно общее: они произошли очень давно. Но среди аштских преданий есть рассказы и о более поздних временах, о местных исторических событиях двухсот-трехсотлетней давности. И некоторые исследователи склонны лишь их считать реально доступными народной памяти. Действительно, местные жители хорошо и до-

вольно подробно помнят рассказ о том, как были образованы 170—200 лет назад небольшие кишлаки Мулломир, Кулля-Ходжа, Пу-нук и др. переселенцами из Пангаза, Бободархона, к. Ашт, Воруха (Южная Фергана)<sup>11</sup>. Но события этого времени по сравнению с описанными выше квалифицируются самими информантами как «недавние», и при этом указывается множество мелких деталей, имен, нередко называются даже семьи, члены которых по тем или иным причинам вынуждены были переселиться, и т. п. Часто сама эта замечательная особенность такого рода преданий — их конкретность, как бы осязаемость «недавнего» прошлого — вызывает ощущение особой достоверности излагаемого. В значительной степени это действительно так, но только в отдельных случаях. Сама эта достоверность, разумеется, не абсолютна; но при этом весьма удивительно, что она каким-то парадоксальным образом нередко сочетается с полным отсутствием элементарной информации о сравнительно недавних событиях и в своем селении, и в ближайших соседних селениях<sup>12</sup>, что, безусловно, сильно искажает общую картину. Вообще надо отметить как характерную черту каждого из приводимых нами преданий «несоотнесенность» их с историей населения других, соседних, кишлаков. Так, таджики из к. Ашт затруднялись сообщить что-либо из истории заселения расположенного по соседству к. Гудос; о камыш-курганских таджиках их соседи — пангазцы и шайданцы — также практически ничего не могли рассказать, кроме подтверждения представления о древности существования их кишлака и т. п. Еще меньше удалось узнать об узбекской части аштского населения: о тюркском населении к. Ашоба соседи-таджики не знают ничего, кроме того, что «они тоже живут здесь очень давно».

Сведений о приходе каких-либо тюрко-

<sup>11</sup> Относительно к. Мулломир эти данные подтверждаются сообщением начала XIX в. [40, с. 55].

<sup>12</sup> Примером такого рода может послужить следующий факт. На правом берегу Сырдарьи по соседству с Аштским районом археологами было обнаружено довольно крупное поселение XVIII в. Однако население окружающих кишлаков ничего сообщить об истории и обитателях этого поселения не могло [43, с. 50]. Другой пример: последний этап заселения к. Камыш-Курган [таджиками из Курама-Овлук и узбеками «каракалпак» (?)] предание относит к сравнительно недавнему прошлому («лет 200—300 назад»), но ничего более подробного об этом событии (например, конкретное место выселения, родовое подразделение и т. п.) выяснить не удалось. При этом в целом приведенное сообщение полностью согласуется с общими историческими данными о проникновении на территорию Ферганы каракалпачков и узбеков-тюрков [23, с. 180; 61, с. 17, 20].



язычных соседей или завоевателей обнаружить не удалось<sup>13</sup>.

Однако наше внимание сейчас привлекают главным образом предания «о старых временах» (к сожалению, иного хронологического деления, нежели «недавние» и «старые» времена, в преданиях аштцев не существует). Эти рассказы по своему характеру несколько иные. В них нет разнообразных, многочисленных, «житейски объяснимых» ситуаций, никому не ведомых имен, «достоверных» бытовых деталей — всего того, что дает ощущение исторической достоверности в преданиях двухсотлетней давности. Очевидно, что события, изложенные в преданиях, претерпели многочисленные (сознательные или бессознательные) изменения и искажения, пройдя сквозь многовековые фильтры народной памяти. Но характерно, что рассказы «о далеких временах», с точки зрения местного населения, содержат абсолютно правдивую (хотя частично и подзабытую!) информацию о происхождении их предков. Мы также склонны считать, что интересующие нас свидетельства из области этнической истории аштских таджиков, безусловно, присутствуют в этих преданиях, но предстают в завуалированной и трансформированной форме, в виде глухих упоминаний о первоначальном населении Ашта, в виде отголосков представлений о времени прихода сюда первых переселенцев и об их прежней родине и т. д. При этом немаловажно, что о каждом кишлаке собрано несколько версий, которые по-разному повествуют об одном и том же событии или исторической ситуации. Это помогает выделить из всех представленных выше рассказов наиболее типичные моменты, непосредственно связанные именно с «этническим» аспектом истории аштцев.

Хронология событий, упомянутых в преданиях, относительно и ни с какими историческими фактами бесспорно не связана. Впрочем, одно знаменательное событие (как факт мест-

ной истории) все же запечатлелось в народной памяти — это арабское завоевание, вернее, его окончание якобы близ к. Ашт. Построение хронологического ряда от этой опорной точки (VIII—IX вв.) настолько же заманчиво, насколько и небесспорно. Впрочем, для этого есть и объективные основания — археологические материалы, к которым мы обратимся ниже.

В местности близ кишлаков Пангаз и Камыш-Курган, напротив, не было зафиксировано ни одного рассказа, где арабы были хотя бы упомянуты, что свидетельствует, если исключить возможность случайного «выпадения» этого события из системы преданий, либо об отсутствии этих поселений, их запустении в тот период, либо об их незначительности, позволившей арабам миновать этот населенный пункт. Однако в пангазских преданиях четко выделяется мотив прихода других чужеземцев-завоевателей во главе с Александром Македонским, заселивших крепость — «калга». Интересно, что ряд памятников Ашта действительно относится к эпохе, близкой македонскому завоеванию Средней Азии. Однако прежде сопоставления фольклорных и археологических данных необходимо точнее представить, какого рода историко-культурную информацию можно в принципе почерпнуть из анализируемых преданий.

Уже простое перечисление топонимических и исторических упоминаний в преданиях аштских таджиков позволяет констатировать типологическое сходство некоторых рассказов и их группировку. Условно можно выделить два типа: I — предания об основании кишлака в необитаемом ущелье; II — предания о приходе на уже существующее поселение новых людей. Такая группировка подтверждается и другими чертами. В преданиях I типа (кстати сравнительно немногочисленных) речь идет о некоем человеке-первопоселенце, охотнике, заблудившемся в окрестных горах. О нем известно лишь, что его привлек красивый пейзаж, что он имел склонность к праведной жизни. При всей простоте, «типичности» и даже банальности сюжета преданий I типа зафиксированы они лишь в двух кишлаках района, кстати считающихся самыми старыми, — в Пангазе и к. Ашт. Предания II типа многочисленнее, разнообразнее и обычно связаны с историей заселения отдельных кварталов кишлака уже целыми группами переселенцев. При этом часто упоминается предыдущая родина пришельцев, и это почти всегда юг: Хорасан, Персия, Балх, горный Таджикистан. Часто предания сохраняют и имя легендарного предводителя новопоселенцев — это либо мифологический, фольклорный персонаж (Рустам, Искандар, Зуль-

<sup>13</sup> Относительно последних в литературе существует мнение о сравнительно поздней дате переселения значительной части тюрков из районов Ура-Тюбе, Самарканда на территорию Ферганской долины (по мнению Ш. Иногамова, Я. Р. Винникова и др., это переселение происходило в XVIII — самом начале XIX в. [25, с. 11—15; 12, с. 395, 397; 18, с. 69]). Впрочем, антропологическая близость ферганских тюрков местным таджикам позволила некоторым исследователям отнести время проникновения тюрков в Фергану к периоду еще до XVI в. [22, с. 75]; этого вывода не отрицает и С. С. Губаева, изучавшая тюркскую топонимику Ферганы [18, с. 70]. Но как бы то ни было, относительно аштских тюрков пока ничем определенно сказать нельзя. Возможно, конкретное исследование тюркоязычного населения Камыш-Кургана и особенно к. Ашоба поможет разрешить этот вопрос (в узбекских кварталах специальная работа по сбору исторических преданий пока не проводилась).

карнайн и т. п.), либо, возможно, реально существовавшая личность, как, например, Бобо Дархон<sup>14</sup>, Ходжибек, Пур-Юрюк и т. д. Предания II типа зафиксированы во всех обследованных таджикских кишлаках Аштского района. За этим чисто формальным разделением преданий на типы явно угадывается реальная историческая ситуация. Тщательное сопоставление основных мотивов всех приведенных рассказов дает возможность (разумеется, сугубо предположительную) соотнести эти типы с двумя периодами древней истории Ашта: «доарабским» (но не «предарабским»!) и «послеарабским» (периодом «внедрения ислама», примерно конец VIII—X—XI вв.)<sup>15</sup>. Основанием для такого деления послужил постоянно повторяющийся и подчеркиваемый рассказчиками мотив большинства преданий о приходе сюда, в Западную Фергану, вместе с арабами «настоящих таджиков», «киранцев», «хорасанцев». Подробнее вопроса о качественном изменении в составе населения Ашта мы коснемся ниже, здесь же рассмотрим правдоподобие самого упоминания завоевания Ферганы арабами.

Известия об арабах в Фергане малочисленны и расплывчаты. Нет достоверных данных, проникали ли значительные группы арабов в глубь долины; впрочем, все исследователи отмечают сообщение Балазури о том, что арабы-завоеватели во главе с Кутайбой все же дошли до Касана (крупный населенный пункт Северной Ферганы, восточнее Ашта), оставляя на пути своего следования небольшие арабские гарнизоны во временных укрепленных поселениях [72, с. 49]. Таким образом, события, упоминаемые в народных преданиях Ашта, Чуста и Касана, имеют вполне историческую основу.

Уже в наше время этнографы отмечают «небольшую группу арабов на востоке Ферганы» [26, с. 582; 12, с. 390]. Но в этом случае речь идет об арабах, сохранивших к началу XX в. свой язык или хотя бы национальное самосознание. В Аште подобного населения нет. А если учесть, что гарнизоны Кутайбы были небольшими, замечание Джахиза о том, что уже в IX в. ферганские арабы внешне ничем не отличались от местного населения, выглядит вполне естественно [13, с. 124] (само собой разумеется, что Джахиз имел в виду арабов — потомков завоевателей VII—VIII вв. и «вводителей ислама»).

<sup>14</sup> «...известно, что в Туркестане слово „баб“... употреблялось для обозначения распространителей ислама (Баб-Арслан)» [10, с. 118].

<sup>15</sup> Эта дата для всего Туркестана неоднократно отмечалась В. В. Бартольдом [5, с. 216; 6, с. 193—195; 9, с. 98, и др.]. Конкретно для Южной Ферганы и горной Уструшаны см. [19, с. 174; 42, с. 18].

Однако нельзя не учитывать и факты более поздних переселений арабов в Среднюю Азию. Установлено, что в начале XVI в. довольно значительное число кочевых арабов из Северного Афганистана было переведено в район Самарканда и частично Бухары [13, с. 125—126], но никаких указаний на их переселение в Фергану пока не имеется.

Итак, деление истории Ашта на «доарабский» и «послеарабский» периоды исторически вполне обоснованно. Учитывая это обстоятельство, обратимся к данным археологии, объективным, но разрозненным свидетельствам истории конкретно района Ашта.

Раскопки на территории современного Аштского района и исторически сходных с ним местностей Западной Ферганы (например, Исфары) ведутся давно и успешно. Это позволило ученым, непосредственно занимавшимся этим регионом и комплексом связанных с ним проблем, к настоящему времени сделать первые крупные обобщения и фактически восстановить основные вехи историко-культурного и этнического развития населения Ашта и — шире — Западной Ферганы в древний и ранне-средневековый периоды, т. е. до арабского завоевания [38; 54].

Согласно археологическим материалам, относящимся в основном к «доарабскому» периоду, в районе современного кишлака Ашт культурная традиция фактически не прерывалась с ахеменидского времени и вплоть до второй половины I тысячелетия н. э. [55, с. 58—60]. Данные письменных античных источников, вообще чрезвычайно скудные в части древней Ферганы, могут быть интерпретированы в том смысле, что на ее территории были две группы населения: кочевники и оседлые жители [17, с. 29]. При этом культурная и этническая характеристика последних не вполне ясна. Достоверно установлено, что особенно интенсивно жизнь на оседлых поселениях Ашта развивалась с III—II вв. до н. э. и до VI—VIII вв. н. э. [56, с. 40—41; 53, с. 142—149]. Исследователи отмечают, что в кушанское время в Аште существовало два вида оседлых поселений: «замки на скалах», подобные хорошо известным по описаниям походов Александра Македонского, воины которого основывали их в предгорьях и горных местностях, и небольшие укрепленные усадьбы на равнине (Тудан Калон) [53, с. 142—152]. Аналогичное явление зафиксировано и для Исфары [53, с. 150] и всей Уструшаны [44, с. 261, 263].

Памятники кочевого сакского населения Ашта изучены гораздо полнее [35; 36; 37], однако роль этого этнического пласта в формировании оседлого населения античного и раннесредневекового Ашта и характер связей



и взаимоотношений кочевников с оседлыми жителями района (а какие-то контакты были) [53, с. 149] пока неясны.

Таким образом, имеющиеся археологические данные подтверждают ряд тезисов, содержащихся в преданиях. Прежде всего абсолютно верно утверждение о большой древности поселений на территории или близ современных кишлаков Ашта и Пангаза. По крайней мере уже в кушанское время здесь существовали оседлые укрепленные поселения. Еще раз следует отметить, что в преданиях постоянно подчеркивается наибольшая древность кварталов под названием «Калъа» («крепость»). Основание их обычно приписывают пришельцам, во главе которых называют Афрасиаба, Рустама, Александра Македонского и т. п. И действительно, археологам удалось обнаружить следы крепостей близ кишлаков Пангаз и Бободархон, и действительно, основаны они были в III—II вв. до н. э., но связано ли это с последствиями завоеваний Александра Македонского, пока доподлинно неизвестно.

Археологические свидетельства об оседлых обитателях Ашта обрываются во второй четверти I тысячелетия н. э. После VI в. уже не поступает никаких данных из западной части района, из кишлаков Пангаз и Бободархон; к началу VIII в. было покинуто оседлое поселение близ к. Ашт<sup>16</sup>. Но уже через сравнительно небольшой промежуток времени, вскоре после прихода в Фергану арабов, известия возобновляются. Однако до сих пор остается неясным вопрос о причинах затухания жизни на поселениях кушанского и раннесредневекового Ашта. Можно предполагать, что арабы (и пришедшие с ними или за ними люди) оставляли свои гарнизоны в укреплениях вблизи уже существовавших селений, а затем они либо сливались с ними, либо разрастались в новый кишлак (а старое поселение покидалось, как, например, близ к. Ашт). Весьма вероятно, что до, вместе или вслед за арабами и «хорасанцами» приходили сюда и согдийцы (хотя основной торговый путь с Запада в Китай именно в это время, в VI—VII вв., переместился к северу от Ферганы, к Ташкенту, Аулие-Ата и Семиречью [6, с. 31]). Все эти логические построения (исторически вполне правдоподобные) легко связываются с преданиями второго типа, где речь идет о пришельцах «хорасанцах», «иранцах». Однако вернемся к установленным историческим фактам.

По второму, «послеарабскому», периоду (точнее, имеется в виду период внедрения ислама и таджикского языка в Средней Азии) археологических данных по Ашту нет, но есть ряд письменных свидетельств, из которых прежде всего вытекает, что оседлая жизнь в этом районе продолжалась и в период развитого средневековья. В X в. арабоязычные географы среди названий населенных пунктов Ферганы упоминают и Ашт: Истахри — как небольшой округ [39, с. 31], Макдиси — как один из вагизийских городов [5, с. 220].

Относительно Пангаза, Бободархона и других кишлаков западной части современного Аштского района никаких упоминаний в источниках X—XI вв. нет. Но само по себе это обстоятельство еще не доказывает отсутствия жизни на поселении или где-то вблизи него во второй половине I тысячелетия н. э. Но все же ясно, если поселение в долине Пангаз-сая и продолжало существовать, то размеры и значимость его были невелики: ни в одном из известных письменных источников «Пангаз» не упоминается. Впрочем, современные таджики-пангазцы утверждают, что само название их кишлака появилось лишь в связи с татаро-монгольским завоеванием Средней Азии [63, с. 221], а прежнее наименование неизвестно. В то же время в перечне североферганских городков у арабских географов есть множество названий, до сих пор не идентифицированных с каким-либо конкретным поселением или местностью исторической Ферганы. Например, у Макдиси в ряду городов Северо-Западной Ферганы (и в том числе Ашта) упоминается и название «Шавдан» [5, с. 220], никем, насколько нам известно, не локализованное<sup>17</sup>. Без лингвистического анализа трудно решить, правомерно ли связать средневековое название «Шавдан» и современное «Шайдан», но с исторической точки зрения существование этого поселения уже в X в. вполне правдоподобно. Здесь следует упомянуть одно обстоятельство, связанное уже с к. Камыш-Курган.

Выше уже упоминалось своеобразие характера заселения Камыш-Кургана по сравнению с кишлаками Пангаз и Ашт: судя по всему, и в античное время, и позже этот процесс здесь протекал довольно обособленно. Второй этап заселения Камыш-Кургана проходил, по всей вероятности, в период средневековья, о чем свидетельствуют следующие факты. Средневековый автор Кудамма указывал на существование уже в древности торгового пути из Ход-

<sup>16</sup> Что же касается первого этапа легендарного заселения к. Камыш-Курган (основание г. Чок-Испакон Александром Македонским), то это сообщение пока археологически никак не подтверждается, хотя с общепринятой исторической точки зрения вполне правдоподобно.

<sup>17</sup> О. Г. Большаков в своем исследовании о городах Средней Азии помещает Шавдан несколько западнее Ашта (близко к совр. Пангазу) [10а, с. 202, карта], отмечая в то же время предположительный характер этой локализации.

жента в долину Ангрена, проходившего через перевал Кендир-Давань<sup>18</sup> и расположенное непосредственно перед ним поселение Ходжистан [5, с. 229]. Этот Ходжистан вообще был довольно крупным населенным пунктом, о котором упоминают и некоторые другие авторы. Археологическая разведка в окрестностях Камыш-Кургана позволила Е. А. Давидович и Б. А. Литвинскому отождествить средневековый Ходжистан с небольшим современным кишлаком Рават [34, с. 34]. Предположение это, в частности, основано на упоминании в окрестностях Ходжистана крупных соляных копей (они существуют и ныне близ Камыш-Кургана) и найденном неподалеку глиняном водопроводе IX—XII вв., свидетельствующем о сравнительно высоком культурном уровне жившего здесь населения [34, с. 34].

Если ко всему этому добавить наше предположение о существовании уже в те времена и к. Шайдан (Шавдан), лежащего как раз на пути между Ходжистаном и перевалом Кендир-Давань, то тем самым будет добыто еще одно, пусть косвенное, доказательство обитания территории этой части Ашта в послеарабское время. Сам факт существования средневековых поселений близ современных кишлаков Ашт, Пангаз, Шайдан, Камыш-Курган важен для нас постольку, поскольку он свидетельствует о сохранении традиций оседлой жизни в Аште и в это время. Вопрос же о качественном изменении состава населения Ашта на рубеже I—II тысячелетий по-прежнему остается открытым. В связи с этим можно привести лишь несколько общих соображений.

Прежде всего следует подчеркнуть, что, по всей вероятности, собственно арабский этнос сыграл весьма незначительную роль в этнической истории ферганского населения, хотя как факт политической истории именно арабское завоевание выделено в некоторых преданиях особо<sup>19</sup>. Очевидно, в народной памяти приход арабов сохранился не только в связи с воспоминанием об их военных действиях, но и потому (и частично это отмечено в самих преданиях), что вместе или вслед за ними (или незадолго до них?) в Ашт пришли уже неодно-

<sup>18</sup> Этот путь в конце XVIII—XIX в. был хорошо известен всем путешествовавшим из Ташкента в Фергану, Коканд (см., например, [40, с. 36, 55—56; 64, с. 31—32]).

<sup>19</sup> В. В. Бартольд отмечал, что завоевание империи Саманидов тюрками осталось почти не отмеченным современниками, поскольку к тому времени в культурном отношении сами завоеватели уже были завоеваны исламом [8, с. 248] и, следовательно, в самом общем плане были «близкими» народами. Напротив, завоеватели с Запада (македонцы, затем арабы), а позже и пришедшие с востока монголы именно потому прочнее и запечатлелись в народной памяти, что были связаны с людьми иной культуры и религии.

кратно упоминавшиеся «настоящие таджики»<sup>20</sup>, что весьма важно с точки зрения современных рассказчиков. Содержит ли это понятие намек на приход небольших групп переселенцев, носителей нового, таджикского языка, новой религии (ислама), либо это просто могло быть родственное, но все же отличное от местного и культурно более развитое население, сказать трудно. Возможно, все эти процессы шли параллельно либо перекрывая один другой, предания же передают их уже в упрощенном и обобщенном виде. Однако частое упоминание в качестве пришельцев «фарсов», «иранцев», «хорасанцев» (а тесное общение Мавераннахра с Северной Персией в этот период отмечал еще В. В. Бартольд [8, с. 193—195]) все же дает основание предполагать в конце I — начале II тысячелетия постепенную инфильтрацию иранского населения в Фергану. Разумеется, это предположение требует дальнейших доказательств.

Все приведенные рассуждения, по всей вероятности, касаются и западной части Ашта, т. е. района кишлаков Пангаз — Бободархон, в преданиях которых арабы даже не упоминаются, а вместо них в качестве завоевателя, приведшего с собой «настоящих таджиков», фигурирует Искандар Зулкарнайн. В связи с этим интересно отметить, что В. В. Бартольд решительно отвергал саму возможность сохранения с IV в. до н. э. до наших дней рассказов о великом завоевателе [8, с. 204—205]. Суждение это, к сожалению, высказано мимоходом, и пока остается неясным, как, когда и почему Александр все же стал столь популярен в Средней Азии. Приведенные в связи с этим самим Бартольдом примеры отсылают нас к эпохе средневековья, когда, видимо, и роман об Александре, и коранические известия о нем стали здесь достаточно общеизвестными [31]. Но при этом остаются невыясненными причины «воскрешения» образа Александра через тысячу с лишним лет после его походов. Рассмотрение этого вопроса явно уведет нас слишком далеко в сторону от пангазских преданий (хотя не исключено, что они связаны с этим вопросом самым непосредственным образом). В принципе с упомянутым суждением В. В. Бартольда трудно не согласиться<sup>21</sup>, к

<sup>20</sup> Общеизвестна военная практика Кутайбы завоевывать новые земли руками ранее покоренных народов. Так, в составе арабского войска при походе на Шаш и Фергану воевали бухарцы, шахрисябцы, хорезмийцы [8, с. 326] и хорасанцы [72, с. 41]. Кроме того, не надо упускать из виду предшествовавший приходу арабов процесс согдийской колонизации на восток [6, с. 114, 189 и др.; 11, с. 39, а также см. 38, с. 54, примеч. 10], как и факт прямого выселения группы согдийцев в Фергану в 721—722 гг. [5, с. 244].

<sup>21</sup> Однако, как кажется, все же следует различать характер этих легенд: одно дело — идея о происхожде-

этому же выводу склоняет нас и анализ преданий. Дело в том, что основной лейтмотив пангазского рассказа о приходе и поселении здесь воинов Александра Македонского типологически полностью соответствует аштскому преданию о завоевании арабов: якобы вместе с завоевателями сюда пришли «фарсы», «иранцы», «настоящие таджики». К этому надо добавить, что на средневековом Востоке (и в фольклорной традиции, и в сочинениях арабских и персидских авторов) «персидское происхождение Александра Македонского не вызывает сомнения», а сам Александр постепенно становится персидским героико-эпическим персонажем [31, с. 54, 59].

Исходя из всего этого, предания II типа (даже те из них, в которых упоминаются Афрасиаб, Рустам, Искандар, Кутайба<sup>22</sup>) мы склонны связывать с реальными событиями конца I — начала II тысячелетия. В данном случае для нас несущественно, был или не был здесь сам Кутайба или Александр Великий, важно другое: именно в преданиях двух старейших поселений района — Ашта и Пангаза — в разных вариантах, под разными предлогами и обликами повторяется мотив прихода откуда-то с юга завоевателей и переселенцев персидской крови, осевших здесь и смешавшихся с местным населением. В аштских преданиях отличия этих двух групп предков очень четки. Другие виды источников пока не дают никаких дополнительных доказательств смены или стабильности этнического и культурного состава населения Западной Ферганы на рубеже I—II тысячелетий. Видимо, основная причина этого кроется в самом характере процесса, слабо отразившегося в источниках, но само по себе различие современными рассказчиками преданий этих двух этнокультурных групп вряд ли случайно, и поэтому необходимо иметь его в виду при дальнейших исследованиях.

Подтверждением непрерывности этнокультурной традиции могут послужить и данные топонимики. Подробный анализ топонимики Аштского района, вероятно, мог бы многое дать для этногенетических построений, поскольку даже предварительные наблюдения дают пищу для размышлений и некоторых выводов. Подавляющее большинство местных кишлаков, их кварталов, просто местностей

Ашта имеют таджикские названия (тюркских названий в окрестностях старинных таджикских кишлаков не встречено). Значительная часть этих названий по происхождению связана с мусульманской традицией (пос. Шайдан, по местной этимологии «шахид-дон» — «место погибших за веру», к. Пангаз — «пандж гази» = «пятьсот (?) погибших за веру бойцов»<sup>23</sup>, ж. Кули-Ходжа — «рука ходжи», к. Мулломир — «мулло Эмир» и т. п.). Кроме этого зафиксированы наименования, не только не связанные с исламом, но и необъяснимые с точки зрения современного таджикского языка (кварталы Бурак, Шахак<sup>24</sup>, Суджа, кишлаки Пунук, Ашт; местечко Сугд-хона, где раньше якобы бил священный источник Сейбаг<sup>25</sup>). Можно только предполагать, что этот топонимический слой связан с древнейшим населением Ашта (восточноиранским по языку).

Если собственно по Ашту подробная топонимическая работа отсутствует, то в целом по Таджикистану в этом направлении сделано уже много. Общие закономерности и хронологические пласты топонимики таджиков подробно изучены (см., например, [65; 66; 67]). Но нас в данном случае интересует всего лишь один вывод лингвистов о том, что «если древняя топонимика в существенных частях сохранилась, а на нее наслаивается новая, то это значит, что потомки прежнего населения живут здесь и доньше» [65, с. 59]. Однако для окончательных утверждений все же необходимо специальное лингвистическое исследование аштской топонимики.

Появившиеся в последние годы статьи и заметки по антропологии различных групп таджиков [20; 46; 48] в значительной степени уточняют и конкретизируют достижения антропологической науки 30—60-х годов [14; 15; 16]. В связи с нашей темой представляет интерес анализ физического типа непосредственно таджиков Ашта. Поэтому, не входя в подробности широкой антропологической проблематики (которая хотя и связана непосредственно с этногенезом таджиков, но в части Ферганы еще весьма предварительна), рассмотрим лишь «узколокальные» выводы или основанные на большом материале научные предположения, которые так или иначе под-

<sup>23</sup> Впрочем, здесь же, видимо, не исключена интерпретация и на восточноиранской основе [67, с. 53, 74] и т. п.

<sup>24</sup> «Шахак» — по-ягнобски «источник у скалы» (см. [67, с. 73]).

<sup>25</sup> Интерпретацию подобных названий близ Самарканда и Бухары, исходя из данных согдийского языка, предлагает О. И. Смирнова [58].

нии правящих династий от самого Александра, а другое — упоминание прихода группы воинов-македонцев в горное поселение, расположенное сравнительно недалеко от города, действительно им основанного, — Александрии Эсхаты.

<sup>22</sup> Симптоматичен сам набор имен предводителей пришельцев: иранские мифологические персонажи и легендарные завоеватели, в войске которых были и иранцы.

тверждаются или перекликаются с известиями преданий<sup>26</sup>.

Современные таджики Северо-Западной Ферганы, как и население соседних регионов, относятся к расе Среднеазиатского междуречья, внутри которой существует несколько вариантов [16, с. 303—304; 46, с. 106]. Таджики Ашта и Пангаза (как и другие таджики предгорных районов Ферганы, например Исфары, Кувы) историко-антропологически близки оседлому населению Памира, Дарваза (но не Каратегина! [48, с. 128—129]) и Туркмении [3, с. 21]. Но в то же время кишлаки Ашт и Пангаз отличаются один от другого: в к. Ашт предположительно живут потомки самого раннего местного населения, «носители наиболее древнего расового типа на территории Северного Таджикистана» [20, с. 178, 180], в то время как в Пангазе, основное ядро населения которого также аборигены, довольно явственна доля «пришельцев из южных районов Таджикистана» [20, с. 179—180]. Кроме того, хотя непосредственно к. Камыш-Курган пока не обследован, тем не менее, по более общей классификации, он также, по всей вероятности, имеет иную антропологическую характеристику [20, с. 174].

Таким образом, антропологические данные как будто подтверждают, во-первых, генетическую преемственность населения двух старейших кишлаков района с древнейших времен до наших дней. Во-вторых, антропологическое членение на три микрорайона (Ашт, Пангаз и Камыш-Курган) полностью совпадает с языковыми данными [49, с. 229—233; 50, с. 15; 51, с. 157, 162] и в какой-то мере делает более явственным и своеобразие преданий из этих трех пунктов Аштского района. В-третьих, отмеченное в Пангазе влияние пришельцев из южных районов Таджикистана (но не из Каратегина) подтверждает и представление преданий о приходе людей из «Калаю-Хумба» (к сожалению, и антропологические материалы не говорят о древнем или сравнительно недавнем южнотаджикском влиянии). Палеоантропологические данные I — начала II тысячелетия из Ашта пока незначительны [28], поэтому любые утверждения преждевременны. Но в то же время нельзя оставить без внимания распространенную среди части антропологов точку зрения о частичном изменении состава населения Южной Ферганы, которое связывают с инфильтрацией носителей арменоидного варианта переднеазиатской расы [21 и др.]. Однако до выявления нового палеоантропологического материала невозможно ответить на вопрос, протекал ли аналогичный

процесс и в северо-западных областях Ферганы.

Основным препятствием для окончательных суждений по поводу непрерывности этнокультурной традиции в Аште на протяжении II тысячелетия н. э. является почти полное отсутствие в научном обороте письменных или иных свидетельств по Западной Фергане, в частности по Ашту. Правда, среди преданий II типа есть рассказы, в которых упоминаются конкретные предводители пришельцев (их имена нередко донесли несут кварталы). Эти хронологически неопределенные переселения считаются более поздними (во всяком случае, они относятся ко времени якобы «гораздо позже прихода арабов»). Эти группы таджиков пришли в Ашт из Дарваза, из Самарканда-Дарбита и Ура-Тюбе (Пангаз) и из Кашгара (Ашт), что вполне согласуется с историческими данными о переселениях за последние два-три века из горного Таджикистана [51, с. 13; 27, с. 113; 59, с. 52], Бухары и Кашгарии [23, с. 180].

Окончательная работа по выяснению происхождения аштских таджиков (и — шире — таджиков Северо-Западной Ферганы) еще впереди. В этой заметке лишь в принципе установлена правомерность выделения из современных преданий известий, могущих служить основанием этногенетических построений. Во всяком случае, тезис о двух основных этнокультурных слагаемых состава древнейшего населения Ашта кажется важным, хотя, быть может, еще недостаточно убедительным. Но дальнейшее выявление основных звеньев этнической и культурной истории аштских таджиков должно проводиться, как кажется, уже с учетом возможности подтверждения либо опровержения этого тезиса.

1. Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности. — Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965.
2. Азбелев С. Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд. — Специфика фольклорных жанров. М.—Л., 1966.
3. Алексеев В. П. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки. — Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974.
- 3а. Ануцин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человеках неизвестных в восточной стране». Археолого-этнографический этюд. — Древности Импер. Московского археологического общества. Т. XIV. М., 1890.
4. Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. СПб., 1889.
5. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. I. М., 1963.
6. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. — Сочинения. Т. II/1. М., 1963.
7. Бартольд В. В. История Туркестана. — Сочинения. Т. II/1. М., 1963.

<sup>26</sup> Антропологические исследования проводились только в кишлаках Ашт и Пангаз.

8. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. II/1. М., 1963.
9. Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане.— Сочинения. Т. IV. М., 1966.
10. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.— Сочинения. Т. V. М., 1968.
- 10а. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
11. Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья.— КСИИМК. Вып. 6. М.—Л., 1940.
12. Винников Я. Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине.— Среднеазиатский этнографический сборник. II. М., 1959.
13. Волин С. Л. К истории среднеазиатских арабов.— «Труды Второй сессии ассоциации арабистов». М.—Л., 1937.
14. Гинзбург В. В. Этногенез таджиков в свете данных антропологии.— СЭ. VI—VII. М.—Л., 1947.
15. Гинзбург В. В. Таджики предгорий.— СМАЭ. XII. Л., 1949.
16. Гицбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
17. Горбунова Н. Г. Фергана по сведениям античных авторов.— История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
18. Губаева С. С. Расселение этнографической группы «тюрк» в Ферганской долине.— Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., 1974.
19. Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района.— «Труды АН ТаджССР». Т. 35. Сталинабад, 1955.
20. Дубова Н. А. Распределение антропологических признаков в Северном Таджикистане.— Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976.
21. Зезенкова В. Я. Этногенетические связи народов Узбекистана и Туркмении.— Труды VII МКАЭН. Т. 3. М., 1968.
22. Золотарева И. М. Соматологические исследования в Ферганской долине.— Труды КАЭЭ. Т. I. М., 1956.
23. Иванов П. П. Очерки истории Средней Азии (XVI—XIX вв.). М., 1958.
24. Иванов В. В., Толоров В. Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян.— Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
25. Иногамов Ш. Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах УзССР.— АКД. 1955.
26. Кармышева Б. Х. Среднеазиатские арабы.— Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М., 1963.
27. Кисляков Н. А. Таджики долины Соха.— Труды АН ТаджССР. Т. 17. Сталинабад, 1953.
28. Княткина Т. П. О поездке в с. Ашт.— Археологические работы в Таджикистане. V. Душ., 1959.
29. Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры.— Этническая история и фольклор. М., 1977.
30. Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Т. 2. СПб., 1880.
31. Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
32. Кузнецов П. Е. О таджиках Наманганского уезда.— ИТОРГО. Т. II. Вып. 2. Ч. 1. Таш., 1915.
33. Кузнецов П. Е. О таджиках Ташкентского уезда.— ИТОРГО. Т. 2. Вып. 2. Таш., 1900.
34. Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой.— Труды ИИАЭ АН ТаджССР. Т. 26. Сталинабад, 1954.
35. Литвинский Б. А. Курумы.— Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959.
36. Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душ., 1958.
37. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
38. Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы.— История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
39. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
40. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.
41. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
42. Негматов Н. Н. Усрушана в VII—X вв.— АКД. М.—Л., 1952.
43. Негматов Н. Н., Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работе Кайраккумского отряда в 1954 г.— Труды АН ТаджССР. Т. 37. Сталинабад, 1956.
44. Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д. Материальная культура кушанского времени в Усрушане и Западной Фергане.— Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
45. Ошанин В. Д. Каратегин и Дарваз.— ИИРГО. Т. 17, вып. 1, 1881.
46. Пестряков А. П. Антропологические исследования некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана.— СЭ. 1975, № 1.
47. Пименов В. В. Чудские предания как источник по этнокультурной истории европейского Севера СССР.— СЭ. 1968, № 4.
48. Платонова Н. А. (Дубова) Антропологические исследования в Средней Азии.— Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Ч. 2. М., 1974.
49. Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 2. М., 1952.
50. Расторгуева В. С. Опыт классификации таджикских говоров. М., 1960.
51. Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.
52. Ринчен Б. Культ исторических персонажей в монгольском шаманстве.— Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
53. Салтовская Е. Д. О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе.— МКТ. Вып. I. Душ., 1968.
54. Салтовская Е. Д. Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье.— АКД. Душ., 1971.
55. Салтовская Е. Д. О раскопках могильников VI—IV вв. до н. э. в Северо-Западной Фергане.— АРТ. XII. Душ., 1976.
56. Салтовская Е. Д., Негматов Н. Н. Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г.— Труды АН ТаджССР. Т. 37. Сталинабад, 1956.
57. Серов С. Я. Динамика этногенетического мифа инков.— Этническая история и фольклор. М., 1977.
58. Смирнова О. И. Места доисламских культов Средней Азии (по материалам топонимики).— Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971.
59. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душ., 1966.
60. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душ., 1970.
61. Толстова Л. С. Каракалпаки Ферганской долины. Нукус, 1959.

62. Толстова Л. С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа.— Этническая история и фольклор. М., 1977.
63. Турсунов Н. О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана. XIX—XX вв. Душ., 1976.
64. Хорошкин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
65. Хромов А. Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана.— АДД. Душ., 1970.
66. Хромов А. Л. Ягнобский язык. М., 1972.
67. Хромов А. Л. Очерки по топонимии и микропонимии Таджикистана. Вып. 1. Душ., 1975.
68. Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964.
69. Этническая история и фольклор. М., 1977.
70. Abel E. L. The Psychology of Memory and Rumour Transmission and their Bearing on Theories of Oral Transmission in Early Christianity.— «The Journal of Religion». Vol. 51, № 4. Chicago, 1971.
71. Egan K. Mythical and Historical Reference to the Past.— «Clio». Kenosha, 1973, vol. 2, № 3.
72. Gibb H. A. R. The Arab Conquest in Central Asia. L., 1923.
73. Harwood F. Myth, Memory and the Oral Tradition: Cicero in the Trobriands.— «American Anthropologist». Vol. 78, № 4, 1976.
74. Henige D. P. The Chronology of Oral Tradition. Quest for a Chimera. Ox., 1974.
75. Srivastava Sahab Lal. Folk Culture and Oral Tradition. New Delhi, 1974 (A Comparative Study of Regions in Rajasthan and Eastern U. P. XVI).
76. Vansina J. Oral Tradition. Chicago, 1965.